

**Александра Никитична
Анненская**

**Чарльз Диккенс. Его жизнь и
литературная деятельность**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-94
ББК 63.3-8

Александра Никитична Анненская

Чарльз Диккенс. Его жизнь и литературная деятельность / Александра Никитична Анненская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 62 с.

ISBN 978-5-4241-2104-3

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы — профессия.

ISBN 978-5-4241-2104-3

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Александра Анненская
Чарльз Диккенс. Его жизнь и
литературная деятельность

*Биографический очерк А. Н. Аннен-
ской*

*С портретом Диккенса, гравирован-
ным в Лейпциге Геданом*

Введение

С конца XVII века роман является в Англии одной из наиболее распространенных и наиболее любимых форм художественной литературы. Своим «Робинзоном Крузо» Дефо открыл целый ряд всевозможных робинзонад, описаний более или менее правдоподобных походов разных героев в далеких и малоисследованных странах; Свифт облек в форму романа свою едкую сатиру на весь строй современной ему жизни; Ричардсон перенес роман в сферу семейных отношений и заставил всю читающую Англию плакать над несчастьями Клариссы; Филдинг и в особенности Смоллетт давали в своих произведениях живые, реалистические описания действительной жизни и создавали характеры, полные неподдельного комизма; Стерн умел счастливо соединить юмор с сентиментальностью, а Голдсмит со своим «Векфилдским священником» занял почетное место в литературе не только Англии, но и всей Европы. Романтическое направление, охватившее Европу в первой половине XIX века, нашло отголосок и среди романистов Англии. Анна Рэтклиф наводила на нервных людей трепет своими «Удольфскими тайнами», последователи ее громоздили в своих произведениях ужасы на ужасах, и, наконец, Вальтер Скотт создал исторический роман, в котором романтизм является без болезненных преувеличений, ограниченный трезвым умом и художественным чутьем, никогда не уносящийся за пределы реально возможного. Как все великие писатели, Вальтер Скотт имел множество последователей, и в первой половине девятнадцатого столетия масса исторических и этнографических романов наводнила Англию. Роман семейный, психологический, изображающий нравы и быт современной эпохи, современного общества, отступил на задний план. Чтобы снова вернуть ему симпатии читателей, за него должна была взяться рука талантливого мастера. Таким мастером явился Чарлз Диккенс.

Диккенс смело может быть назван самым популярным романистом не только Англии, но и всего мира. Больше двадцати лет прошло со времени его смерти и около шестидесяти – со времени появления его первого литературного произведения, а романы и повести его до сих пор составляют одно из любимейших чтений не только там, где господствует английский язык: в Великобритании, Североамериканских Штатах, Австралии, Ост-Индии, – но и во всех цивилизованных странах. Писатель вполне национальный – в том смысле, что все созданные им лица – англичане до мозга костей, англичане во всех своих добрых и дурных свойствах, – Диккенс умел в то же время затронуть общечеловеческие струны, создать общечеловеческие типы; его герои понятны, близки не только его соплеменникам, но и нам, русским, и французам, и итальянцам; интеллигентный читатель восхищается тонкой художественной отделкой его произведений, полуграмотный лондонский пролетарий зачитывается его романами, ненавидит злодеев, выставленных им, умиляется над его добродетельными героями.

Две основные черты характеризуют все произведения Диккенса и обуславливают их громадную популярность. Это, во-первых, его юмор, – неподражаемый, добродушный юмор, с которым он подходит ко всем явлениям в жизни. Юмор этот в редких случаях переходит в сатиру на общие государственные или общественные учреждения, но гораздо чаще останавливается на изображении отдель-

ных личностей или отдельных пороков, наиболее распространенных в английском обществе. В этом отношении Диккенс имеет много общего с нашим Гоголем. Как Гоголь, на первый взгляд, изображал только отдельные личности, не касаясь общего строя жизни, и в то же время сумел придать своим собакевичам, маниловым, сквозник-дмухановским и прочим типичные черты данной эпохи, данного общества, так что мы видим в его произведениях полную картину дореформенной России, так и Диккенс в своих домби, пекснифах, подснепах дает нам чисто личные типы, — а между тем благодаря этим типам перед нами разворачивается скрытая от поверхностного наблюдателя неказистая сторона жизни английского общества с его эгоизмом, самодовольством, лицемерным ханжеством.

Галерея юмористических портретов, представленных Диккенсом, поражает своей обширностью и разнообразием. Мы находим в ней людей всех классов общества, начиная с чванного лорда и гордой неприступной леди и кончая несчастным бездомным бродягой. Но юмор автора изощряется преимущественно над картинами жизни среднего сословия, богатой буржуазии. Аристократы редко появляются в его романах, в жизни бедняков он склонен отмечать скорее патетические, чем комические элементы; но самодовольный, самоуверенный буржуа, с высоты своего денежного мешка презрительно вззирающий на окружающий мир, находит в Диккенсе неподкупного обличителя, мастерской рукой срывающего с него все мишурные блески лицемерной добродетели.

Вторая черта, отличающая произведения Диккенса, — это глубокая гуманность, можно сказать нежность, с какой он относится ко всему слабому, малому, обиженному судьбой или людьми. Мы встречаем в его романах целый ряд невидных, часто комичных личностей, одаренных чутким, самоотверженным сердцем, скромных героев повседневной жизни; он, не скрывая, выставил напоказ все их слабые, смешные стороны и в то же время сумел заставить нас сочувствовать им, любить их, любить тем сильнее, чем больше мы смеемся над их странностями. В сердцах тружеников, придавленных нуждой, вечно голодных пролетариев, грязных обитателей лондонских трущоб он сумел найти такие сокровища любви, терпения, человечности, что читатель невольно проникается симпатией к ним и вместе с автором охотно прощает им всю житейскую грязь, густым слоем заволакивающую эти сокровища.

Некоторые строгие критики упрекали Диккенса в отсутствии объективности, в слишком страстном отношении к создаваемым им образам. Упрек этот вполне справедлив. Действительно, Диккенс не может спокойно и равнодушно относиться к своим героям, как к художественно созданным типам. Для него это люди, реальные существа, которых он или оплакивает горькими слезами, или осмеивает громким хохотом в тиши своего рабочего кабинета. Заканчивая писать большой роман, он тоскует, что должен расстаться с его действующими лицами, должен оторваться от их жизни. Такое отношение к созданиям собственной фантазии имеет, несомненно, и слабую сторону: спускаясь с высот бесстрастного созерцания, художник увлекается чувством и, сам того не замечая, сгущает темные краски при изображении одних лиц, окружает светлым ореолом любви другие. Но этот недостаток с избытком вознаграждается тем впечатлением, какое глубоко чувствующий, страстно увлекающийся автор производит на читателя. Прежде чем этот читатель подметит легкую черту шаржа, он уже побежден неподдельным чувством автора, он любит, ненавидит, плачет и смеется вместе с ним, вместе с

ним презирует ложь, низость, эгоизм, высокомерие, вместе с ним преклоняется перед идеалом добра, правды, любви.

Глава I

Счастливое детство. – Наблюдательность и фантазия. – Перемена жизни. – Тяжелые испытания. – Долговая тюрьма и мастерская.

Чарлз Диккенс родился 7 февраля 1812 года в Портси, предместье Портсмута, где его отец служил мелким чиновником морского министерства. Мальчику было всего два года, когда его семья переселилась сначала в Лондон, а вскоре после того в Чатэм; между тем он ясно помнил садик, окружавший их дом в Портси, помнил, как гулял по этому садику за руку со своей старшей сестрой Фанни, помнил площадь, на которой любовался учением солдат, помнил, что из Портси им пришлось уезжать в холодный день в снежную метель.

В Чатэме Диккенсы прожили шесть лет, и это было время счастливого детства Чарлза. От природы слабый, хилый ребенок, часто страдавший нервными припадками, он не любил шумных детских игр и редко принимал в них участие. Но, может быть, именно благодаря этой физической слабости полнее развивалась его врожденная наблюдательность, его творческая фантазия. Он целыми часами сидел на одном месте и следил внимательными глазами за играми товарищей, за военными упражнениями солдат, за всеми проходившими и проезжавшими мимо дома. Выучившись очень рано грамоте, он пристрастился к книгам и стал с жадностью читать и перечитывать небольшую библиотеку своего отца. «Родерик Рандом», «Векфилдский священник», «Дон Кихот», «Жиль Блаз», «Робинзон Крузо», «Тысяча и одна ночь», описания путешествий населили голову ребенка массой живых образов. Он увлекался своими героями, переносился в их жизнь, попеременно воображая себя то Робинзоном Крузо на необитаемом острове, то храбрым английским капитаном, то могущественным султаном, то нежным любовником.

Вся окружающая местность: кладбище, соседняя церковь, трактир – все это связывалось в его воображении с приключениями того или другого героя. Пока прочие дети бегали и резвились, Чарлз жил своей собственной внутренней жизнью и находил в этой жизни нескончаемый источник наслаждений. Мечтательность не делала его, однако, угрюмым и нелюдимым. Он всегда был рад, когда сестра или товарищи просили его рассказать им что-нибудь; он с увлечением передавал прочитанные истории и часто прибавлял к ним создания своей собственной фантазии. Диккенсу было лет пять-шесть, когда один молодой родственник сводил его в театр, и он до конца жизни не мог забыть, какое сильное впечатление произвели на него в то время «Ричард III» и «Макбет». Под влиянием театра маленький Чарлз и сам написал трагедию – «Мисмар – индейский султан» – и с увлечением разыгрывал ее вместе с товарищами.

Чарлзу исполнилось девять лет, когда его отцу пришлось оставить Чатэм и перебраться с семьей в Лондон. С этим переселением кончилось для мальчика время беззаботного детства, началась жизнь, полная невзгод и лишений. Отец его был человек добрый, нежно любивший семью и старавшийся добросовестно исполнять всякое дело, за какое брался, – но в то же время легкомысленный, нерасчетливый в денежных делах, привыкший жить на широкую ногу и не отказывать себе в разных прихотях. При переезде в Лондон у него было шестеро детей; жалованья, получаемого им, могло хватить на содержание такой большой

семьи только при крайней бережливости и расчетливости, – а к этой расчетливости мистер Диккенс был совершенно не способен. Он еще раньше прожил небольшой капитал, оставленный ему отцом, и приданое жены, теперь ему пришлось прибегнуть к займам. Чтобы уплатить одному кредитору, он занимал у другого под большие проценты и запутывался все больше и больше. Семья поселилась в маленькой квартирке одного из бедных предместий Лондона. Тут не было ни сада, ни площадки, на которой дети могли бы свободно играть с товарищами; запертые в тесных комнатах, они поневоле были свидетелями всего, что делали и говорили родители. Слова «вексель», «отсрочка», «сделка» наполняли ужасом сердце маленького Чарльза, принимали в его воображении вид каких-то фантастических чудовищ. О воспитании его никто не заботился. Родителям было не до того. В Чатэм он посещал небольшую частную школу и считался одним из лучших учеников; здесь его старшую сестру Фанни отдали в музыкальную академию, а он оставался дома без всякого призора, чистил сапоги, исполнял мелкие домашние работы, присматривал за младшими детьми.

Чтобы помочь мужу, миссис Диккенс решила открыть учебное заведение с пансионом для детей. Недлинная история этого предприятия описана Диккенсом в его «Дэвиде Копперфилде». Подобно мистеру Микоберу, мистер Диккенс был убежден, что дело его жены пойдет великолепно и поправит денежные обстоятельства семьи. Наняли целый дом, на дверях прибили большую вывеску. Чарльз разносил в разные дома объявления, в которых красноречиво перечислялись достоинства нового учебного заведения, но – увы! Никто не выразил желания поручить своего ребенка попечению миссис Диккенс, да и в самом «учебном заведении» не делалось никаких серьезных приготовлений к приему учеников.

Между тем кредиторы становились все назойливее: булочники, мясники грубо требовали уплаты по счетам, и дело кончилось тем, что мистер Диккенс был признан несостоятельным должником, арестован и посажен в тюрьму Маршаллси. Мы имеем яркое описание этой тюрьмы в двух романах Диккенса: в «Дэвиде Копперфилде» и в «Крошке Доррит». Все те живые фигуры тюремных жителей, все трогательные и юмористические сцены под сводами мрачного здания, которыми мы восхищаемся в этих романах, волновали душу ребенка, запечатлевались в ней неизгладимыми чертами.

Попав в тюрьму, мистер Диккенс, естественно, лишился всякого кредита, и единственным средством жизни семьи осталась небольшая пенсия, которую он получал, потеряв место на службе. Так как этой пенсии не хватало на удовлетворение первых потребностей, то приходилось продавать и закладывать разные домашние вещи. Все сделки со старьевщиками и закладчиками мать по большей части поручала Чарльзу. Слабенький робкий ребенок должен был ходить по грязным лавчонкам, выпрашивать несколько лишних пенсов у грубых хитрых торгашей, которых он впоследствии так живо изобразил в своих романах. Никто не подозревал, какой горечью наполняло это его детское сердце, с какой завистью поглядывал он на своих сверстников, бежавших в школы: они учились, они могли стать образованными людьми, для него же это было недостижимым счастьем. Ему, конечно, и в голову не приходило, что он также учится, что те уроки, которые дает ему суровая действительность, окажутся, может быть, плодотворнее для его деятельности, чем всякое школьное обучение. Основной чертой произведений Диккенса является его сочувственное отношение к униженным,

обездоленным, страдающим. Это не снисходительное сострадание гуманного мыслителя, это горячее сочувствие любящего человека, и кто знает, зародилось ли бы в душе его это сочувствие, если бы ему не пришлось быть свидетелем бесчисленных сцен незаслуженного унижения, безропотного горя, безысходной нищеты в тех грязных переулках Лондона, где он начал жить сознательной жизнью; если бы сам он не испытал отчасти и этих унижений, и этого горя, и этой нищеты. Впечатления детства оставляют в душе человека наиболее яркие, наиболее прочные следы, и впечатления бедного маленького Чарльза не изгладились до конца жизни великого романиста, постоянно давая ему возможность пробуждать в сердцах читателей те чувства гуманности и любви, которые наполняли его собственное сердце.

Вскоре Чарльзу пришлось перенести еще более тяжелые испытания. Тот самый родственник, который возбудил в нем страсть к театру, стал пайщиком в одном промышленном предприятии по выделке и продаже ваксы. Видя нищету Диккенсов, он предложил взять к себе в работники Чарльза с платой по шесть шиллингов в неделю. «Я удивляюсь, – рассказывал много лет спустя Диккенс, – как это никто не жалился надо мной, хотя все признавали, что я мальчик способный, впечатлительный, живо чувствующий всякое физическое или нравственное оскорбление. Отец и мама так обрадовались моему поступлению к Джорджу Ламберту, точно я в двадцать лет окончил с отличием курс грамматической школы и перехожу в Кембриджский университет».

Дом, в котором помещался склад ваксы, был грязным, ветхим зданием, переполненным крысами, которые возились на чердаке и с шумом бегали по лестницам. Чарльз должен был работать в сыром подвальном этаже вместе с двумя другими мальчиками и несколькими взрослыми рабочими. Обязанность его состояла в том, чтобы наворачивать бумажки на банки с ваксой и наклеивать на них ярлыки. Дело это было нетрудное, но очень скучное из-за своего однообразия. На Диккенса и оно, и та грязная обстановка, то общество грубых, необразованных товарищей, в котором ему приходилось проводить время, действовали угнетающим образом.

«Никакими словами нельзя передать, – говорит он в своих записках, – тайное страдание души моей, когда я очутился в этой обстановке, когда я сравнивал своих тогдашних товарищей с товарищами счастливых лет моего первого детства; когда я чувствовал, что все мои надежды стать образованным и знаменитым человеком уничтожаются навсегда. Я не могу высказать, как живо помню овладевшее мной чувство заброшенности, беспомощности, стыда за свое положение, страдания от сознания, что все, чему я учился, о чем думал, чем наслаждался, все, что развивало мою фантазию и мое честолюбие, – все отнято у меня и не возвратится мне никогда более. Чувство горя и унижения так глубоко запало в мою душу, что даже теперь, когда я пользуюсь известностью, любовью и счастьем, я часто во сне забываю, что у меня есть любимая жена и дети, что я взрослый человек, и с ужасом вижу себя снова в тот тяжелый период своей жизни».

Денежные дела Диккенсов не поправлялись, и г-же Диккенс с младшими детьми пришлось перебраться к мужу в тюрьму. Чарльза поместили на квартиру к одной бедной женщине, державшей пансионеров и послужившей впоследствии прототипом миссис Пипчинс в «Домби и сыне». Питаться мальчик должен был

всю неделю сам на свой заработок, а воскресенье он проводил в тюрьме с семьей.

«На завтрак я покупал себе, – рассказывает Диккенс, – маленький хлебец и молока на пенни; другой такой же хлебец и четверть фунта сыру лежали у меня в шкафу для ужина. Я был еще так мал и неразумен, что часто не мог противостоять искушению сладкими пирожками, выставленными в окнах кондитерских, и тратил на них деньги, назначенные на обед. Тогда мне приходилось вместо обеда довольствоваться маленькой булочкой или куском пудинга. Нам давали каждый день полчаса отдыха для чая. Когда у меня были деньги, я ходил в кафе и выпивал кружку кофе с бутербродом; когда у меня не было денег, я бродил по Ковент-Гарденскому рынку и засматривался на ананасы. Я уверен, что ни сознательно, ни бессознательно нисколько не преувеличиваю свое тяжелое положение. Я помню, что когда кто-нибудь дарил мне шиллинг, я немедленно тратил его на обед или на чай; я был бедно одет, работал с утра до ночи с простыми рабочими, ел плохо и мало и часто голодный бродил по улицам. Целую неделю не слышал я ни от кого ни слова совета, предостережения или утешения, ни в ком не видел поддержки или ободрения; только Бог спас меня, что я не стал воришкой или маленьким бродягой».

В душе ребенка таились силы, неосознаваемые им самим, силы, которые поддерживали его в нравственном отношении. Он страдал молча, никому не показывая, что происходило в его сердце, и в то же время работал самым усердным, добросовестным образом, чтобы не подвергнуться унижению выговоров или насмешек. Этот полуголодный, робкий, нищенски одетый ребенок так отличался своим обращением и манерой говорить от остальных рабочих, сидевших в одной с ним комнате, что все они, по какому-то молчаливому соглашению, называли его обыкновенно «маленький джентльмен».

Особенно огорчало Диккенса то, что он был разлучен с родителями, семьей, что после целого дня работы он не видел родного, приветливого лица. Однажды в воскресенье, прощаясь с отцом на целую неделю, мальчик не выдержал и голосом, прерывающимся от рыданий, высказал все, что накопилось у него на душе. Мистер Диккенс был поражен. По легкомыслию своему он и не подозревал, как плохо живет мальчику. Он немедленно принял меры, чтобы облегчить его положение. Решено было, что Чарлз будет каждый день завтракать и ужинать с семьей, а для ночлега ему наняли крошечную мансарду в одной добродушной семье, впоследствии изображенной им под именем семейства Гарланд в «Лавке древностей». Должно быть, тяжела была жизнь ребенка, если он счел для себя за счастье проводить каждый день несколько часов в тюрьме и спать на полу на чердаке, из окошечка которого открывался вид на дровяной двор!

Диккенсу было в то время лет одиннадцать-двенадцать, но он оставался таким маленьким и хилым на вид, что казался гораздо моложе. Когда он заходил в пивные и важно спрашивал кружку эля, продавцы с состраданием поглядывали на него и наливали ему самого слабого пива, а когда по случаю какого-то торжества он вздумал отобедать в большом ресторане, все лакеи собрались смотреть на крошечного джентльмена. Болезненные припадки, мучившие его в раннем детстве, продолжали повторяться время от времени. Диккенс помнил, как за ним ухаживали рабочие, когда он заболел на складе ваксы, и как перепугались его хозяева, когда у него однажды ночью случился припадок страшной нервной боли в боку.